

И. КЛЕЙН

«Слово о полку Игореве» и апокалиптическая литература (К постановке вопроса о топике древнерусской литературы)¹

Разножанровость «Слова о полку Игореве» — одно из положений в споре о его месте в древнерусской литературе. Согласно этому мнению, «Слово» слагается из разнородных слоев; как синтетическое произведение оно полностью не примыкает ни к одному жанру древнерусской литературы.² С этой точки зрения данная статья ставит задачу исследовать один из пластов памятника, а именно тот, который связывает его с апокалиптическим видом эсхатологической литературы. Стараясь не переоценивать значения этого слоя, роднящего «Слово» с книжной традицией, наш труд скорее дополняет, чем отрицает те работы, в которых исследовался его фольклорный субстрат. Связь «Слова» с эсхатологической письменностью была отмечена еще В. Н. Перетцем, перечислившим ряд языковых параллелей, роднящих «Слово» с библейской апокалиптикой.³ 23 года спустя Р. О. Якобсон отметил тематические аналогии с византийской эсхатологией.⁴ Наблюдения Р. О. Якобсона вошли в состав его полемики с А. Мазоном, из-за чего, пожалуй, они прошли почти незамеченными.

Данная работа продолжает путь, начатый Р. О. Якобсоном.

В дальнейшем мы не будем стараться устанавливать влияние отдельных апокалиптических памятников на «Слово»; этот вопрос заслуживает специального исследования. Нас будет скорее интересовать влияние общего канона апокалиптической литературы на «Слово». Устанавливая этот канон, мы опираемся не только на русские памятники, но и на памятники других славянских литератур.

АПОКАЛИПТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Понятие

Апокалиптическая литература очень рано перешла из Византии к славянам. В Древней Руси ее основные памятники — Откровение Мефодия Патарского, Житие Андрея Юродивого, Слово Ефрема Сирина, Слово

¹ Данная статья — итог моей стажировки в Ленинграде в 1973—1974 гг., в течение которой мне была предоставлена возможность жить научной жизнью Древнерусского сектора Пушкинского Дома. Благодарю Д. С. Лихачева и его сотрудников, стимулирующая критика которых оказала значительное влияние на данную работу. Н. С. Демковой, моей научной руководительнице, я в особенности обязан: ее эрудиция спасла меня от многих ошибок.

² Д. С. Лихачев. Слово о походе Игоря Святославича. — В кн.: Слово о полку Игореве, Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 2-е. Л., 1967, с. 20.

³ В. Н. Перетц. К изучению «Слова о полку Игореве». II. «Слово» и «Библия». — ИОРЯС, т. XXIX, 1925, с. 23—55.

⁴ R. Jakobson. L'authenticité du Slovo. — In: La Geste du Prince Igor. Épopée russe du douzième siècle. New York, 1948, p. 297—306.

св. Ипполита, Вопросы Иоанна,¹ — были известны в XII в. и ранее.² Истоки этой литературы коренятся в Библии, в первую очередь — в апокалипсисах Даниила и Иоанна, в меньшей мере — в ветхозаветных пророчествах. Назовем эту литературу «апокалиптической» (а не «пророческой»), так как упомянутые апокалипсисы оказали более значительное влияние на нее, чем пророчества. Термин «эсхатологическая литература», употребляемый Р. О. Якобсоном, нам кажется слишком общим: он охватывает и такие сочинения, которые рассказывают о конечных судьбах индивидуальной души, как например Житие св. Василия Нового. Апокалиптическая же литература трактует лишь конечные судьбы человечества.³ А для исследователя «Слова» только этот исторический вид эсхатологической литературы представляет интерес.

Апокалиптическая литература примыкает к библейским апокалипсисам прежде всего в силу своей «практической» функции. Она не проповедует «покайтесь!»,⁴ как ветхозаветные пророки; она лишь удовлетворяет любознательность людей, желающих узнать о конечных судьбах человечества.⁵ Отсутствие наставнического начала вытекает из «исторического детерминизма»⁶ апокалиптического мышления: история народов движется вперед по давно установленному пути. Апокалиптик ограничивается констатацией того, что неминуемо будет: грех, наказание, избавление; он прорицает *fatum*. Совершенно иное у ветхозаветных пророков; они не констатируют, они угрожают: «Если не будете добродетельны, то бог вас сурово накажет!». Итак, исторические судьбы людей зависят от их поведения: хотя не прямо, через бога, они все-таки влияют на свою историю: «Аще ли ся покаем от злоб наших, то „Аки чадом своим дасть нам вся прощенья, и одождит нам дождь ран и поздн. И наполнятся гумна ваша пшеницъ“» («Слово о казнях божиих», под 1068 г.).⁷

2. Содержание

Интересующий нас вид эсхатологической литературы изображает ход мировой истории, а особенно — ее последний этап. В духе новозаветного дуализма апокалиптическая литература представляет мировую историю как арену ожесточенной борьбы между двумя равносильными началами: злом и добром. В этой борьбе ни зло, ни добро не одерживают окончатель-

¹ В. М. Истрин. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славянорусской литературах. М., 1897 (далее: Истрин. Откровение); Житие святого Андрея, Христа ради юродивого. — В кн.: Великие Минеи Четии, октябрь 1—3, СПб., 1870, с. 209—221 (далее: Житие Андрея); Ефрем Сирин. Слово на пришествие господне, на скончание мира и на пришествие Антихристо. — В кн.: Ефрем Сирин. Творения, т. II. М., 1858, с. 379—393 (далее: Ефрем Сирин. Слово на пришествие); К. Новоструев. Слово святого Ипполита об Антихристе в славянском переводе по списку XII века. М., 1868 (далее: Новоструев. Слово Ипполита); Вопросы Иоанна Богослова господу на горе Фаворской. — В кн.: Памятники отреченной русской литературы. Собраны и изданы Н. Тихонравовым. Т. II. М., 1863, с. 174—181 (далее: Вопросы Иоанна Богослова).

² См.: В. Сахаров. Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879.

³ F. Lücke. Versuch einer vollständigen Einleitung in die Offenbarung des Johannes und in die apokalyptisch Literatur überhaupt. I. Bonn, 1848, s. 36. Люкке употребляет выражение «universalggeschichtliche Weltbetrachtung».

⁴ R. H. Charles. Apocalyptic Literature. — Encyclopedia Britannica, II, Cambridge, 1910, p. 170.

⁵ H. Ringgrem. Apokalyptik. — Die Religion in Geschichte und Gegenwart 1, Tübingen, 1957, S. 464—465.

⁶ R. H. Charles. Apocalyptic Literature, p. 169.

⁷ Повесть временных лет, ч. 1. Текст и перевод. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), с. 113 (далее: ПВЛ, т. I).

ной победы. Только непосредственно перед «кончиной мира» эта битва кажется невозвратно проигранной: зло торжествует над добром,⁸ начинается «страшное время». Но ужасы последних времен длятся лишь определенный срок. «Кончина мира» приближается, и тем самым наступает избавление от господства тьмы: добро разгромит зло и восторжествует над ним в «страшном суде». После этого наступает вечное царство святых.

Из упомянутых тем апокалиптической литературы нас интересует прежде всего «страшное время». Эта центральная тема апокалиптической литературы реализуется определенной конstellляцией мотивов: А) действующие — I. Индивидуальное олицетворение зла: 1) Антихрист; 2) Антибогородица или злая царица; II. Коллективное олицетворение зла: 1) чужие, нечистые враги, союзники Антихриста; 2) нечистые животные; Б) страдающие — нечужие, христиане, праведные;⁹ В) действия А против Б: 1) побеждают; 2) угнетают, мучают, оскорбляют; 3) едят их плоть; Г) сопровождающие события: 1) космические беспорядки; 2) внутренние распри. Эта конstellляция мотивов характеризует «страшное время» апокалиптической литературы не полностью: мы выделили только те ее общие места, которые встречаются и в «Слове». Перечисленные члены апокалиптической конstellляции служат ядром нашего рассуждения. Одним своим слоем «Слово» примыкает к апокалиптической письменности именно потому, что типичная для нее конstellляция мотивов свойственна и ему.

3. «Страшное время» как комплексный тоpos апокалиптической литературы

В статье о жанре «Слова» И. П. Еремин отметил одну основную методологическую трудность, которую и наша работа должна преодолеть: чтобы доказать принадлежность памятника к какой-либо традиции, надо привести аналогии, которые охватывают по возможности большее число взаимосвязанных элементов.¹⁰ В самом деле, сами по себе отдельные мотивы апокалиптической литературы встречаются всюду: зловещее затмение солнца, например, — типичный, но отнюдь не исключительно апокалиптический мотив, его можно найти в произведениях литературы и фольклора, которые совсем не связаны с эсхатологической тематикой.

Мотивы интересующей нас конstellляции образуют исторически сложившееся (а не системное) единство. Перед нами комплексный тоpos, общее место апокалиптической литературы, причем топическими являются не только отдельные моменты, но также их совокупность: они в этой литературе обычно встречаются вместе. Устойчивые (топические) конstellляции мотивов, впрочем, не редки в литературе. Например, такие мотивы, как журчащий ручей, зеленеющие луга, пасущиеся овцы, свежий ветерок и т. д. образуют очень древнюю топическую конstellляцию: «милое место» (*locus amoenus*).¹¹

⁸ R. H. Charles, *Apocalyptic Literature*, p. 171.

⁹ В некоторых вариантах основной оппозиции апокалиптического мышления оба полюса четко маркированы: действующие — против страдающих; чужие — против своих. В других же вариантах положительный полюс немаркирован: абсолютное зло — против людей (грешных и добродетельных). Но отрицательный полюс всегда остается четко маркированным.

¹⁰ И. П. Еремин. Жанровая природа «Слова о полку Игореве». — В кн.: И. П. Еремин. Литература Древней Руси. (Этюды и характеристики). М.—Л., 1966, с. 150.

¹¹ E. R. Curtius. *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*. Bern, 1948, S. 189—200.

Внутренняя взаимосвязанность таких мотивов — диахронного порядка; из-за этого они менее устойчивы, чем синхронно связанные элементы: перед нами конstellляция, а не система. Эта конstellляция в основных апокалиптических памятниках относительно устойчива.

«С Л О В О» И А П О К А Л И П Т И Ч Е С К А Я Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Антихрист и Всеслав Полоцкий

Е. Ляцкий считал, что «Слово» состоит из нескольких песен разного происхождения и что рассказ о Всеславе — один из кусков этой мозаики.¹ Сюжетной связи действительно нет, но нам все-таки кажется, что этот рассказ не изолирован в тексте. Образ Всеслава — составная часть апокалиптического субстрата «Слова»: автор изображает своего героя по образу Антихриста, отрицательного героя апокалиптической литературы. Не только автор «Слова», впрочем, связывает Всеслава с апокалиптической тематикой. Это же можно отметить и у Нестора-летописца: сообщив под 1065 г., что «В се же лето Всеслав рать почал»,² он, вслед за этим, рассказывает о появлении кометы, о выловленном рыбаками в Сетомле страшном «детище»-урode и о солнечном затмении. Комета появилась в 1066 г., затмение имело место в 1064 г. Объединение этих событий в единый рассказ в летописном повествовании должно восприниматься как «предзнаменование уобиц, начатых Всеславом».³ Внутренний раздор, как и космические беспорядки, — типично апокалиптические мотивы. И апокалиптические ужасы 1092 г. происходят как раз в Полоцке, городе Всеслава.⁴ Таким образом, в сознании автора «Слова» и Нестора слились два мифа: человека-волка, человека-дракона — Всеслава и Антихриста. Первый — общеславянский миф;⁵ второй же — очень древний восточный миф,⁶ который пришел к славянам через византийскую литературу.

Данные «Слова» о Всеславе будем дополнять материалом из ПВЛ, что же касается образа Антихриста, используем, помимо славянской апокалиптической литературы, и зависящий от нее фольклор;⁷ византийские же источники нам будут служить лишь дополнительно.

А п о к а л и п т и ч е с к и й в е к. В самом начале рассказа о Всеславе «Слово» довольно ясно намекает на его связь с «сыном пагубы»: как и Антихрист, Всеслав действует «на седьмом вѣцѣ»,⁸ т. е. в последнем, апокалиптическом, веке.

Д в о й н о е с у щ е с т в о. Князь-оборотень «Слова» отличается двойной сущностью: он — волк и человек. И Антихрист обладает двойной натурой: дракон и человек. Согласно Ипполиту, Антихрист будет сперва царствовать как и другие цари, как человек, и даже со славой: «. . . всячь-

¹ Е. Ляцкий. Слово о полку Игореве. Прага, 1934.

² ПВЛ, т. I, с. 110.

³ Повесть временных лет. Т. II. Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), с. 394 (далее: ПВЛ, т. II).

⁴ См.: ПВЛ, т. I, с. 115.

⁵ R. Jakobson, M. Szeftol. The Vseslav Epos. — Russian Epic Studies, Philadelphia, 1949, p. 13—86; R. Jakobson, G. Ružičić. The Serbian Zmaj Ognjeni Vuk and The Russian Vseslav Epos. — In: Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, X. Bruxelles, 1950, p. 343—355.

⁶ W. Boussset. Der Antichrist in der Überlieferung des Judentums, des neuen Testaments und der alten Kirche. Göttingen, 1895.

⁷ В. М. Истрин в «Откровении» привлекает славянский материал об Антихристе, особенно фольклорный.

⁸ Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 2-е. Л., 1967, с. 53 (далее текст «Слова» цитируется по этому изданию, страницы указываются в скобках в тексте).

скии ся пеки симъ себе славу паче обретая».⁹ Но когда Антихрист перестанет лицемерить, он в образе дракона будет преследовать добро (здесь воплощенное в образе человека): «И испустити змии из уст своих воду яко реку. . . И разгнѣвася змиина жену».¹⁰ В «Слове» волк и человек Всеслав все время меняет свой образ: «Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ в ночь влъком рыскаше». И Антихрист меняет свой образ; согласно Мефодию Патарскому, он в первый год своего существования «будет сановит, яко человек», во второй же год он будет страшным чудовищем — драконом.¹¹ Это, конечно, не постоянное (перманентно совершающееся, как у Всеслава) изменение образа. Чтобы получить точный эквивалент этому мотиву, надо привлечь более отдаленный материал. Филипп Солитарий (один из восточных отцов церкви) изображает Антихриста как существо, которое постоянно меняет свой образ и цвет, как мифический Протей: «Quin et figurarum et colorum conversionibus omnino instar Protei ex alio».¹² Вариант этого мотива встречается и у Ефрема Сирина: «Ибо с крепостию возопиет, изменяя свой вид и безмерно устрашая всех людей».¹³

Знатное происхождение. Как и князь Всеслав, Антихрист происходит из знатной среды: одна южнославянская легенда сообщает, что Антихрист родится от царицы.¹⁴ В «Слове» знатность Всеслава не подчеркнута особо, но важно, что оно этому не противоречит: Всеслав — князь, и родовая линия Всеслава противостоит родовой линии всех остальных князей — «Ярославичей» («Ярослави вси внуце и Всеслави!» — в чтении Д. С. Лихачева).¹⁵

Хитрость. Всеслав хитер: он «клюками» (хитростями) добивается киевского престола. Хитрость — определятельная черта и Антихриста. Ефрем Сирин называет его «духом лъсти»,¹⁶ Ипполит — «лъстѣць».¹⁷ Андрей Юродивый говорит о нем: «И возмужавшу, и царствующу ему, тогда начнет прелестъ свою являти».¹⁸

Волшебство. С хитростью Антихриста связано его волшебство; чудотворство — его главный прием в обольщении христиан. Ефрем Сирин говорит, что Антихрист «произведет чудеса, знамения и страхования, яко же прелестити, аще возможно, и избранныя».¹⁹ Согласно Мефодию,²⁰ от Антихриста слепые видят и хромы ходят. Всеслав — колдун, его волшебство заключается в способности изменять свой образ.²¹

⁹ Невоструев. Слово Ипполита, с. 74.

¹⁰ Там же, с. 94—95.

¹¹ Истрин. Откровение, с. 129.

¹² W. Bousset. Der Antichrist. . ., S. 98.

¹³ Ефрем Сирин. Слово на пришествие, с. 380. * Слово Ефрема Сирина на пришествие господне, правда, является источником Филиппа Солитария, но не единственным (см.: W. Bousset. Der Antichrist. . ., S. 27).

¹⁴ Stojan Novaković. Priča o Antihristu. — Starine, U Zagrebu, 1884, XVI, s. 81—85.

¹⁵ Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Малая серия. Изд. 3-е. Л., 1953, с. 51.

¹⁶ Ефрем Сирин. Слово на пришествие, с. 380.

¹⁷ Невоструев. Слово Ипполита, с. 12.

¹⁸ Житие Андрея, с. 219.

¹⁹ Ефрем Сирин. Слово на пришествие, с. 379.

²⁰ Истрин. Откровение, с. 100.

²¹ В древнерусской книге гаданий «Чаровнике» говорится о колдовском искусстве оборотничества следующее: «Чаровник, — в них же суть 12 главизн, стихи, двоюнадесять опрометных лиц звериных и птичьих, — се же есть первое, тело свое хранити мертво, и летает орлом, и ястребом, и вороном, и дятлем, и совою, рыщут лютым зверем и вепрем диким, и волком, летают змием и рыщут рысью и медведем» (А. Пыпин. Для объяснения статьи о ложных книгах. — ЛЗАК за 1861 год, вып. 1. СПб., 1862, с. 42).

У м е н и е л е т а т ь. Антихрист, будучи человеком-драконом, умеет летать; Ефрем Сирийский пророчески утверждает, что он «будет летать по воздуху». ²² Всеслав также владеет этим искусством: убегая из Белгорода, он «объисясинѣ мглѣ» (53). Этому соответствует сказочная быстрота его передвижений (которую «Слово» иллюстрирует на двух примерах).

У з у р п а т о р с т в о. Рассказывая о Всеславе, «Слово» переплетает миф с действительностью. И историческая сторона роднит Всеслава с Антихристом. (Так как «Слово» только намекает на исторические обстоятельства жизни полоцкого князя, приходится привлекать и летописные данные). Благодаря своей хитрости («клюками»), Всеслав узурпирует киевский престол: с помощью народа, который освобождает его из заключения, он занимает место, которое по династическому праву принадлежит не ему, а князю Изяславу; он господствует недолго, пока легитимный соперник его не сверг (1068—1069 гг.). То же и с Антихристом: он хитро делает вид, что он сам бог; см. у Ефрема Сирина: «Покажет он себя подобным богу». ²³ Обообщенный народ ему верит и провозглашает его царем, ²⁴ — итак, он должен сесть на престол, который по праву принадлежит не ему, а богу; Мефодий Патарский пишет: «...вылезет бо сын пагубный в Иерусалим и сядет в церкви божи акы и бог». ²⁵ Ложный мессия Антихрист господствует недолго, пока его не свергает «истинный» мессия.

Эта параллель замечательна тем, что ее можно отнести к целому сочетанию сюжетно взаимосвязанных мотивов: хитрость, узурпированный престол, помощь народа, недолгое господство, победа легитимного соперника.

П о л к о в о д е ц , к р о в о п р о л и т и е. Как и Всеслав, Антихрист — военачальник; его войска — «нечистые народы». Упоминание Всеслава и Антихриста одинаково связано с кровопролитием. Вот что сообщает одно апокрифическое видение о кончине мира: «Идет змеи (Антихрист, — И. К.) на овче поле, и победит к себе все языки, и творит крепку брань, и съскупит, яко полская трава легут, и напылется от крови студенци». ²⁶ А вот что сказано о Всеславе в ПВЛ под 1044 г.: «Матери бо родивши его быс ему язвено на главе его, рекоша бо волсви матери его: „Се язвено навязи на нь да носить е до живота своего“, — еже носить Всеславъ и до сего дне на себе; сего ради немилостов есть на кровопролитье». ²⁷ Всеслав в «Слове» виноват в кровопролитии: «Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костми рускихъ сыновъ» (54).

Как доказали Р. О. Якобсон, М. Шефтель и Г. Ружичич, Всеслав «Слова» — один из вариантов славянского мифа о волке-оборотне. В соответствии с этим нам кажется, что слияние представлений о волке-оборотне и Антихристе встречается не только в «Слове». Однако в рамках данной работы можно дать лишь резюме более обширного анализа, который мы собираемся опубликовать отдельно. Те точки соприкосновения между князем-оборотнем и Антихристом, для которых в «Слове» нет материала, поставим в скобки. Князь-оборотень и Антихрист — оба действуют на последнем, седьмом, веке; оба обладают двойным существом: человек — животное; оба знатного происхождения; (оба зачинаются и рождаются при чудесных обстоятельствах); (оба вырастают сверхъестественно быстро);

²² Ефрем Сирийский. Слово на пришествие, с. 380.

²³ Там же.

²⁴ Там же, с. 386.

²⁵ Истрия. Откровение, с. 100.

²⁶ Видение Исаии о последнем веке. — В кн.: Н. С. Тихонов. Апокрифические сказания. СПб., 1894, с. 30 (отдельный оттиск — СОРЯС, т. VIII).

²⁷ ПВЛ, г. I, с. 104.

оба хитры; оба — колдуны; оба умеют летать (оба постоянно связываются с космическими беспорядками и даже могут вызывать затмение солнца); оба узурпаторы, оба военачальники,²⁸ оба виноваты в кровопролитии.

От Антихриста перейдем к женскому олицетворению зла — к дева Обида.

2. Антибогородица — злая царица и дева Обида

Загадочную фигуру девы Обиды комментаторы «Слова» толкуют как аллегорическое олицетворение бедствий, которые Русь терпела от половцев после разгрома на Каяле. Эту имманентную интерпретацию можно дополнить внетекстовым материалом, большей частью указанным Р. О. Якобсоном.²⁸

В своем труде об Откровении Мефодия Истрин ссылается на следующую византийскую легенду об Антихристе (речь идет о рыбе): «Ее купит девица по имени „Несправедливость“ (*ἀδικία*), а по прозванию „Гибель“ (*ἀπώλεια*); она названа так потому, что от нее родится *ἀδικίας υἱός*. Съевши голову рыбы, она зачнет Антихриста. Через три месяца родится Антихрист, и мать будет кормить его четыре месяца».²⁹ Истрин переводит греческое *ἀδικία* русским словом «несправедливость». Древнерусский же эквивалент этому слову — «обида».³⁰ Таким образом, перед нами не дева «Несправедливость», а дева Обида. В силу этого совпадения дева Обида «Слова» также соответствует Антибогородице Ефрема Сирина: Антихрист родится «от оскверненной девы».³¹ Образ Антибогородицы также встречается в народном творчестве славян: в одной фольклорной интерполяции Откровения Мефодия³² и в одной южнославянской легенде об Антихристе.³³ Для автора «Слова» дева Обида — женское олицетворение того зла, от которого страдают христиане; в этом аллегорическом смысле дева Обида также соответствует женскому эквиваленту царя-Антихриста Сборника попа Драголя: «... и встанет. . . царица ужьска именем Анна, еже се нарицает одива погибѣльна».³⁴ Очевидно, что названия «дева Обида» и «одива погибѣльна» восходят к тому же корню: дева *ἀδικία*.

В «Слове» дева Обида изображена так: «Встала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону» (49). Р. О. Якобсон³⁵ цитирует аналогичные места из Откровения Мефодия³⁶ и из Жития Андрея Юродивого: «Да встанет жена Модана от Понта, и царствовати начнет во граде сем (Византии, — И. К.). Да та будет буява дияволя дщи».³⁷ Итак, в Житии Андрея, как и в «Слове», женское олицетворение зла сочетается с морем: «... от Понта», «на синѣмъ море у Дону».

Перейдем теперь от индивидуальных олицетворений зла к его коллективному образу.

²⁸ R. J a k o b s o n. L'authenticité. . . , p. 274, 304—305.

²⁹ Истрин. Откровение, с. 208.

³⁰ Срезневский. Материалы, т. II, стлб. 502—504.

³¹ Е ф р е м С и р и н. Слово на пришествие, с. 386.

³² Истрин. Откровение, с. 128.

³³ S. N o v a k o v i ć. Priča o Antihristu.

³⁴ П. С. С р е ѣ к о в и њ. Сборник попа Драголя. — Споменик, Београд, 1890, V, с. 15; ср.: R. J a k o b s o n. L'authenticité. . . , p. 305.

³⁵ R. J a k o b s o n. L'authenticité. . . , p. 304.

³⁶ Истрин. Откровение, с. 127.

³⁷ Житие Андрея, с. 215.

³⁸ Невоструев. Слово Ипполита, с. 86.

3. Чужие враги: нечистые, поганые

«Поганые» половцы «Слова» соответствуют поганым союзникам Антихриста. Ипполит говорит о нем: «Тако убо събрав к себе, еже всегда непокарящаяся люди богу, начнет, молим от них, гонити святых акы врагы, и супьрники им суща».³⁸ Аналогично у Мефодия Патарского (речь идет о боге): «. . .сыном Измаиловем не любе дает им силу, да преимут землю христианску, нъ грех дела безакония их тако им творит».³⁹ Впрочем, не только автор «Слова» ассоциировал половцев с безбожными войсками Антихриста: «Уже Нестор выписал из сказания Мефодия известия о „нечистых народах“, которых Александр Македонский запер в горах севера и которые в кончине века вырвутся из своего заключения. Далеко было это время от начального летописца, и если он обратил внимание на пророчество Мефодия, то потому, что в окаянных половцах, напавших и пограбивших монастырь Печерский, он видел тех безбожных сынов Измаила, часть которых была заключена в горах Александром Македонским».⁴⁰ Особенно одна черта этих народов существенна: они чужие. Ипполит, ссылаясь на пророка Исайю, говорит: «. . . да будет земля ваша пуста, гради ваши огнем пожжены, землю вашу пред вами ины поедят, и погыбе разорившися от людий пюжиих».⁴¹ В «Слове» этому соответствует повторительное сопоставление родной земли с неизвестной степью.⁴² Автор называет половецкую степь «земля незнаема».

Д и в. Добавим несколько наблюдений насчет загадочной птицы, которая в «Слове» предупреждает половцев о нашествии русских: «Див кличет врѣху древа». Нечто подобное встречается и в «Сказании» Иоанна Богослова: «. . .преже под гласом птичем всека тварь встанет, и тогда воскреснет всека плоть человеческа».⁴³ Итак, в обоих памятниках — сочетание мотивов — «птица» — «крик» в апокалиптическом контексте «страшное время», «страшный суд». И в духовных стихах о «страшном суде» упоминается такая птица: «Проглаголет сам Исус Христос: Второй суд вам готовится. . . Сошлю на вас споедателей, Птицу Главину, крылья орлины. . . Ноги железные, Власы на них женские: Расточат вашу кровь христианскую, За ваше за великое согрешение».⁴⁴ Очевидно, что здесь слились два апокалиптических представления: о птице, призывающей умерших к «страшному суду», и о силах зла, о безбожных народах, которые мучают христиан в «страшное время». В «Слове» этому слиянию соответствует сюжетная связь птицы Дива с погаными половцами. После этого отступления перейдем к страданиям христиан в «страшное время».

4. Действия чужих против нечужих

П о б е д а н а д х р и с т и а н а м и. «Страшное время» начинается с разгрома добра злом. В Сборнике попа Драголя говорится: «. . .и не возможет противу им стати никтоже до времени повеленного им».⁴⁵ Ипполит говорит, ссылаясь на апокалипсис Даниила: «. . .смотрях в розех, и се

³⁸ Истрин. Откровение, с. 93.

⁴⁰ Н. С. Тихонравов. Отреченные книги Древней России. — В кн.: Н. С. Тихонравов. Сочинения, т. I. М., 1898, с. 229.

⁴¹ Невоструев. Слово Ипполита, с. 43.

⁴² См. подробнее: J. Klei n. Zur Struktur des Igorlieds. München, 1972, S. 119—125.

⁴³ И. И. Срезневский. Древние славянские памятники юсового письма. СПб., 1868, с. 408.

⁴⁴ П. Бессонов. Калеки переходные, вып. V. М., 1863, с. 121 (№ 476).

⁴⁵ П. С. Срећковић. Сборник. . ., с. 11.

рог он творяше рать с святыми, и удолеваше им, видях даже и побиев быст зверь и погыбе».⁴⁶ «Рог», «зверь» — это Антихрист, который будет повержен Христом в конце «страшного времени». В «Слове» этому разгрому соответствует поражение русских от половцев (т. е. от «поганых»).

Скорбь, смерть, угнетение, опустошение. С этой победы над христианами начинается царство Антихриста. См. у Ипполита: «Тако удолев всем зъл сын мучитель скръбь и отгънание святым сътворит, възвышася на ня».⁴⁷ Его поганые союзники завоюют и опустошат города. Изображая судьбу одного города, Мефодий ссылается на пророка Езекииля «... в том убо (городе, — И. К.) Гаваоне падут острием мьча, вси силнии елиньстии, сиречь гречьстии. . . падут острием мьча от сынов Измаилов».⁴⁸ Аналогично в «Слове о полку Игореве»: «Се у Римь кричатъ подь саблями половецкими, а Володимиръ подь ранами» (51). В «Слове» русские должны платить дань половцам: «... а погании сами, побѣдами наришуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ от двора» (49). У Мефодия поганые также требуют дани: «... восточная же Егупть и Сирия под ярмом работы и скръбью немерною будут, влачimy будут без молитвы и прьсити начьнут в них на душу меры злата за силу их».⁴⁹ Тогда наступит неслыханная печаль. В «Слове»: «Тоска разлися по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Рускыи» (49). Ипполит говорит: «Будет бо скръбь тогда велика, ака же не быст от начала миру».⁵⁰ У Ефрема Сирина даже природа плачет: «Восплачут тогда вся земля и море, восплачет воздух, а вместе восплачут дикие звери и птицы небесные, восплачут горы и холмы и дерева на равнинах».⁵¹ То же самое в «Слове»: «Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось» (49).

«Поганые» едят плоть христианскую. Постоянный мотив «страшного времени» — нечистые животные, реже — люди, которые едят человеческую плоть. У Мефодия: «И испльнитсе реченое Езекиилем-пророком: „Призови звере селкны и птица небесны, и повели им, глаголе, — съберетесь и приидете, понеж жрътву велику закалаю вам. Ядите плъти сильных и пиите крови исполин».⁵² Ефрем Сирия проричает о животных, которые будут нападать на живых людей.⁵³ Андрей Юродивый говорит о нечистых народах: «Разидутся по всем землям, плоть человеческу ядуще же, а кровь пьюще».⁵⁴

В «Слове» этому соответствует: «... вльци грозу въсрожатъ по яругамъ, орли клетомъ на кости звѣри зовуть» (46). Аналогично в изображении бедствий, причиненных Олегом Гориславичем: «Тогда по Руской земли рѣткѣ ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть: хотять полетѣти на уедие» (48).

5. Сопровождающие события

Космические беспорядки. Апокалиптическая литература редко изображает «страшное время», не упоминая космических беспорядков. Андрей Юродивый говорит в связи с нашествием Гога и Магога на христиан: «Тогда дние ти померкнут. . . , и солнце будет яко кровь. . . ,

⁴⁶ Невоструев. Слово Ипполита, с. 38.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Истрин. Откровение, с. 108.

⁴⁹ Там же, с. 94.

⁵⁰ Невоструев. Слово Ипполита, с. 99.

⁵¹ Ефрем Сирия. Слово на пришествие, с. 391—392.

⁵² Истрин. Откровение, с. 108.

⁵³ Ефрем Сирия. Слово на пришествие, с. 389.

⁵⁴ Житие Андрея, с. 218.

луна и вся дела померкнет». ⁵⁵ И Мефодий Патарский предсказывает космические беспорядки, «рационалистически» объясняя их колдовством Антихриста: «... превратит слнце в тму». ⁵⁶ В «Слове» космические явления предвещают начало тяжелых времен, разгром на Каяле: прежде всего зловещее затмение солнца во время похода, а потом кровавая заря в утро поражения.

К н я ж е с к и е р а с п р и к. Политическая тема, занимающая центральное положение в идейном составе «Слова». И этот мотив — общее место апокалиптического «страшного времени»: «... quand l'auteur du „Slovo“ cherche à synthétiser les fléaux de son époque, les nombreuses querelles intestines et l'invasion des païens dans la terre russe, selon l'expression de la „Povuyest“, il se laisse également inspirer par les prophéties de la littérature eschatologique» (... когда автор «Слова» пытается синтезировать признаки своей эпохи, многочисленные междоусобицы и нашествия язычников на Русскую землю, пользуясь выражением, употребленным в «Повести», он в равной мере вдохновляется и пророчествами, присутствующими в эсхатологической литературе). ⁵⁷

Близкая параллель встречается в «Слове о двенадцати снах Шахаиши»: «... зло много будет... , друг другу будет враг, а князь будет на князь... , и вси велможи будут крамолницы, которницы». ⁵⁸ В других же апокалиптических памятниках не говорится о князьях, а только о братьях, возненавидевших друг друга. И эта разновидность апокалиптической ненависти встречается в «Слове»: «Усобица княземъ на поганяны погыбе, рекоста бо братъ брату: се мое, а то мое же. И начаша князи про малое — се великое — мльвити, а сами на себѣ крамолу ковати» (49). Р. О. Якобсон ⁵⁹ нашел близкую параллель этому месту: «... и встанут... 28 цара, и начнут реши „аз есмь“, а другы „аз есмь“». ⁶⁰

В свете приведенных параллелей между «Словом» и апокалиптической литературой можно предполагать, что автор «Слова» испытал на себе влияние этой письменности. Но происхождение апокалиптических элементов еще не объясняет роль, которую они играют в художественном составе текста.

ТОПОС И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В «СЛОВЕ»

«Ошибки автора» и инерция общих мест

«Страшное время» — общее место апокалиптической литературы. Этот устоявшийся круг представлений встречается и в «Слове о полку Игореве», которое никак нельзя называть апокалиптическим произведением. В «Слове» изображается не эсхатологическое будущее, а злободневные события 80-х годов XII в. Многие в этой действительности в самом деле могло напоминать апокалиптическую «мерзость запустения»: несомненно состоявшееся затмение солнца, животные, которые едят плоть павших воинов, и другие ужасы войны.

«Слово» подспудно, как мы указали выше, ассоциирует половцев с нечистыми союзниками Антихриста. Но в том же «Слове» Кончак, половец-

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Истрия. Откровение, с. 100.

⁵⁷ Р. Якобсон. L'authenticité... , р. 303.

⁵⁸ А. Н. Веселовский. Слово о двенадцати снах Шахаиши. — Записки имп. Академии наук, т. XXXIV. СПб., 1879, с. 4—10 (Приложение).

⁵⁹ Р. Якобсон. L'authenticité... , р. 304.

⁶⁰ П. С. Срећковић. Сборник... , с. 12. Судя по непосредственному контексту, здесь речь идет как раз о внутренних расприх.

кий хан, предлагает женить сына Игоря на половецкой девушке: семейные связи между русскими и половцами существовали давно. Но как примирить противоречие: сватовство праведных с нечистыми? В своей интересной работе по «Слову» А. Н. Робинсон предлагает оригинальное толкование этого противоречия: перед нами «эпическое родство положительных героев с отрицательными».¹ Но «логика эпоса» не может объяснить противоречий, связанных с образом Всеслава. Автор «Слова» ассоциирует русского князя с Антихристом, безбожным мучителем; но тот же самый автор отнюдь не в ужасе от Всеслава: заметна даже известная симпатия к нему: ² «Аще и вѣща душа въ друзѣ ³ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдаше» (54). В связи с деовой Обидой и наступлением «страшного времени» автор «Слова» упоминает княжеские которы, будто бы наступившие непосредственно после разгрома на Каяле (см. выше цитату: «Усобица княземъ на поганя погыбѣ»). Ни один летописец не упоминает о княжеских расприх за это время. Как и в других случаях, и эта «ошибка» объясняется скорее инерцией апокалиптического канона,⁴ элементом которого является мотив раздора, чем логикой эпоса.

Как показал Е. Р. Куртиус, такие несогласия — обычное явление в тех литературах, которые скорее ориентируются на умственные традиции, чем на живой опыт: «Was sollen wir sagen, wenn ein Dichter aus Lütlich meldet, der Frühling sei gekommen: Ölbäume, Reben, Palmen und Zedern trieben Knospen? Ölbäume waren im nordischen Mittelalter erstaunlich häufig... Woher stammen sie? Aus den rhetorischen Schulübungen der Spätantike» (Как отнестись к тому, что поэт из Льежа следующим образом рассказывает о приходе весны: на оливах, виноградных лозах, пальмах и кедрах появляются почки? Северное средневековье вспоминало об оливах удивительно часто... Откуда это шло? Из школьных реторик поздней античности).⁵

Литературный этикет, теорию которого разработал Д. С. Лихачев,⁶ и топос одинаково представляют собою выражение средневекового «идеализма». Особенность литературного этикета заключается в его установке на социальные нормы поведения («благовоспитанность»): поступки князя или святого изображаются такими, какими они должны были бы быть, независимо от того, что на самом деле произошло. Этот социально-нормативный элемент отсутствует в явлениях, отмеченных в данной статье: топос — умственная схема чисто литературного происхождения; этикет же коренится скорее в общественной жизни и ее этике, чем в литературе. Но в сущности перед нами то же самое явление: конкретный, живой опыт подчиняется устоявшемуся представлению; в случае несогласия меняется факт, а не идея.

¹ А. Н. Робинсон. О закономерностях развития восточнославянского и европейского эпоса в раннефеодальный период. — В кн.: Славянские литературы. М., 1973 (VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г.), с. 188.

² Б. В. Сапунов. Всеслав Полоцкий в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, с. 77.

³ Читаем «друзѣ» вместо «дрѣзѣ».

⁴ Это, конечно, при условии, что «Слово» было создано вскоре после возвращения Игоря из плена, а не несколько лет спустя, как полагает Н. С. Демкова. См.: Н. С. Демкова. К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве». — Вестник Ленинградского гос. университета, т. 14, вып. 3, 1973, с. 72—77.

⁵ E. R. Curtius. Europäische Literatur. . . , S. 190.

⁶ Д. С. Лихачев. Литературный этикет Древней Руси (к проблеме изучения). — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, с. 5—16.

Но в «Слове» есть своя доля «эмпиризма»: его внутренние противоречия, отмеченные нами, показывают, что живому опыту все-таки удалось внедриться в царство умственных схем: господство литературных традиций над жизнью не абсолютно.

В данной статье исследовались два вопроса: 1) родство «Слова» с апокалиптической литературой; 2) влияние апокалиптической топики на изображение действительности в «Слове». Есть еще третий вопрос: можно ли здесь говорить о художественных приемах, применение которых коренится в интуиции творческого индивида, автора «Слова»? Или перед нами представление, которое, оторвавшись от эсхатологической тематики, стало субстратом коллективного сознания славянского средневековья? Думается, что более правилен второй ответ: согласно Тихонравову,⁷ культура средневековья — западного и славянского — была пронизана апокалиптическими раздумьями. Р. О. Якобсон⁸ отметил эсхатологические элементы и в ПВЛ. Д. Чижевский⁹ видит то же в проповедях Авраамия Смоленского и Серапиона Суздальского. Интересны в этом отношении также фольклор и изобразительное искусство.

Предстоит задача: определить распространенность этих апокалиптических идей на почве православного славянства и описать их развитие. Только на фоне такого обширного исследования мы сможем полностью осмыслить апокалиптические мотивы в «Слове о полку Игореве».

1

⁷ Н. С. Тихонравов. Сочинения, т. I, с. 219.

⁸ R. Jakobson. L'authenticité... , p. 301.

⁹ D. Tschizewskij. Das Heilige Russland. Russische Geistesgeschichte, I. 10-17. Jahrhundert. Hamburg, 1959, S. 60—61.